УДК 001.38

МОТИВАЦИЯ В НАУКЕ И В ОБРАЗОВАНИИ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
Институт филологии и журналистики,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
Рассматривается проблема мотивации работы ученого и университетского преподавателя. В качестве методологии используется полифокальная социология современности и концепция межцивилизационной эпохи.

Ключевые понятия:
экономическая мотивация,
политическая мотивация,
моральная мотивация,
научное любопытство.

> Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват – он или я?
>
> – Вы, ваше величество, – ни минуты не колеблясь, ответил Маленький принц.
>
> – Совершенно верно, – подтвердил король.
>
> ***А. де Сент–Экзюпери***
> ***«Маленький принц»***

Проблема

1.

В последние годы деградация науки и образования в России становится очевидной даже для тех, кто вообще не склонен замечать никаких негативных изменений. Конечно, эта деградация во многом обусловлена межцивилизационной декультурацией населения, тем, что к власти начинает приходить второе межцивилизационное поколение, а оно отрицает легитимность всей предшествующей эпохи и всех ее ценностей, в том числе, и культурных.

Однако делегитимация значима только тогда, когда она превращена в практику, сплетающуюся из множества индивидуальных действий каждого представителя второго поколения. Сама декультурация в немалой степени порождена, в частности, и институциональными реформами науки и образования, уже больше десяти, лет проводящимися соответствующим министерством. Наука, это в том числе научные коммуникации и традиции, складывающиеся в стабильной научной среде. Непрекращающиеся институциональные реформы, многолетние и многократные сочинения УМКД, введение компетенций дезориентируют и разрушают науку и образование.

Мы опять берем западные образцы и безо всякого критического осмысления, механически переносим их к себе, не обращая внимания на то, что западная наука и образование – это не только институты, но в первую очередь культура, связанная с чужими ценностями и восходящая к индивидам, воспитанным по-иному. Западные ценности – индивидуальный прагматизм, а не инфантильность, рационализм, а не внерациональная спонтанность, осознанный либерализм, а не социальный детерминизм личности обществом, права человека быть субъектом своей жизни, а не право на покровительство со стороны государства и общества, креационизм как творческая и деловая ориентация индивидов и т.д.

Перечислять наши отличия от западного мира можно долго, но суть в том, что это общество для самостоятельных и самобытных

индивидов, а не для социальных клонов. А воспитывает таких индивидов не «школа» и «семья», их формирует сама общественная обстановка во всем огромном многообразии культурных ориентиров, ценностей, связей. И начинается такое воспитание с самого общественного устройства, с Конституции, понятой не как декларация, а как реально действующий основной закон общественного организма. Прежде всего, следовало бы менять политическую и экономическую институцию общественной жизни на такую, какая сформировала бы у нас европейского человека, и только потом браться за реформы в науке и образовании.

2.

Настоящих ученых, тех, кто привносит новое знание и на их основе делает изобретения, всегда было мало, буквально единицы. Это только кажется, что где–то в американских университетах, сосредоточивших в себе большинство мировых ученых, их много, но если учесть нынешнее население Земли (больше 7 миллиардов), то в процентном отношении их, наверное, лишь немного больше, чем было в XVII в. Ведь очевидно, хотя и стыдливо замалчивается, что проблема с учеными не в понижении эффективность их труда, а в невостребованности их продукции отечественным производством, и особенно в том, что организация их труда, как и самого общественного производства, не помогает, а препятствует им производить знания. А отсюда и эффективность науки низкая: зачем делать что-то, если это никому не нужно! Отсюда и «утечка мозгов» – не за «богатством» уезжают умы, а просто едут туда, где они востребованы. Ученый не может быть талантливым по приказу, ему нужна академическая свобода, то есть, условия, в которых он сам мог бы организовывать свой труд так, чтобы тот был максимально эффективен, а не реформы.

Казалось бы, реформа, нацеленная на сближение российского образования с зарубежным, должна идти во благо, но получается, что, сближая их, она разрушает внутрироссийские коммуникации и превращает российскую науку (вместе с университетами) в слабый филиал западной. Может быть, такое сближение (или, как сейчас называют, «коллаборация») идет на пользу естественным наукам, ну хотя бы тем, что облегчает возможность ученым переносить свои исследования на западные площадки. Но в региональной, по существу, гуманитаристике, интересной преимущественно внутри России, и наука, и философия просто исчезают, и в погоне за «трендами» и «мейнстримами» заменяются эзотерикой и квазинаучной беллетристикой. И тогда у руководства отраслью и университетами действительно появляется право считать гуманитаристику «ерундой» и «барахлом», хотя *она до такого состояния доведена их же собственными усилиями.* Убив живое, не стоит удивляться, что оно не шевелится.

Любая наука существует только тогда, когда она массово нужна: что востребовано, то и существует. В Западном мире имеется большая гуманитарная наука, и как ни странно это будет слышать для наших менеджеров от образования, все еще существует философия именно потому, что ее сочинения и покупают, и читают, и поэтому – пишут и преподают.

Однако эта статья не критика положения в науке и образовании, и не апология гуманитарной науки и философии в нашей стране. Глупо доказывать их право на существование хотя бы потому, что существующая предметная область должна быть исследована научно, а не разукрашена мифологически. Иначе ее скрытые свойства могут доставить много неприятностей, как уже доставили в 1917 и 1991 годах. Поскольку, думаю, никто не сомневается, что культура (то есть политика, право, литература, искусство, наука, религия, экономика, технологии) существует, то должны быть и науки, ее изучающие. Не то исчезнут математика, физика, биология, и даже информатика, исчезнут потому, что и физики, и химики, будучи сами людьми, а не машинами, по факту своего бытия – гуманитарны, а их открытия – продукты их живого воображения, их метафорического мышления и аналогий, а не механического расчета.

Гуманитарная наука – культурообразующая форма мышления, нет ее – нет и культуры, а есть рост преступности, особенно молодежной «по-приколу», есть разруха в головах и сортирах, есть гопничество в подворотнях, падение уровня здоровья и жизни, и есть бунты, плавно переходящие в государственный и социальный распад наподобие того, какой случился в 1917 г., и т.д. Нет наук о культуре – нет и «гуманитарных изобретений», которые невозможно запатентовать, чего-нибудь вроде разделения властей, независимого судопроизводства, прав человека, то есть таких «изобретений», какие составляют сегодня базис западной цивилизации. Нет и отечественной литературы и искусства, а есть функционирование подконтрольных человеков в огромном человечнике. До этого додумались даже в 30-х гг. XX в., не став полностью добивать то, что осталось от досоветской науки гуманитарного. И не требуя перевода российского населения на западные языки, хотя были же в 20-е гг. планы по замене кириллицы латиницей, по массовому

продвижению в тогдашнее образование наукометрии и тестирования.

Это статья о том, как мотивировать науку и образование, если вдруг каким-нибудь образом руководителям нашей вертикали придет в голову, что все-таки они должны быть, причем не только для повышения эффективности производства, а уже для обеспечения сколь-нибудь приемлемого образа жизни.

Казалось бы, меры по стимулированию научной активности, принятые нашей системой образования, должны были эту активность усилить, но получается почему-то как всегда. Интересно, с чего вдруг решено, что публикационная активность тождественна научной? Чем так престижны Scopus и Web of Science, где не учитываются монографии и сборники статей, особенно написанные на национальных языках, а только журналы, да и то не все из авторитетных и старейших?

Таким образом, *проблема мотивации научной активности и образования стала в нашей стране неожиданно острой.*

* * *

Методология

3.

В этой статье я придерживаюсь следующих постулатов и связанной с ними логики:

1. Предмет исследования должен быть дан исследователю непосредственно в опыте.

2. Россия вот уже больше тридцати лет переживает межцивилизационную эпоху, и сегодня она выходит на ее вторую стадию, характеризующуюся не только персонификацией и дезориентацией ее субъектов, но и вступлением в активную жизнь второго межцивилизационного поколения, тех, кто сформировался как субъект в период от 90-х гг. до начала 2000-х.

3. В межцивилизационной эпохе на этой стадии осуществляется экзистенциальная революция и полностью стираются остатки предыдущей цивилизации. У каждого субъекта открывается пространство для самостоятельных смысложизненных решений и выбора своей перспективы, а вместе с этим, в ходе экзистенциального диалога субъектов, начинает определяться смысловая перспектива и всей страны, позитивная или негативная.

В этом контексте и проводятся реформы науки и образования, университеты *искусственно* делятся на федеральные, национально-исследовательские и региональные, им предъявляются *искусственные* требования, они надуманно укрупняются–закрываются, им сокращается финансирование, ликвидируются специальности, уменьшаются бюджетные наборы, сокращаются места в аспирантурах, для них придумываются программы, вводятся «эффективные контракты» с требованиями, зачастую лишенными смысла или откровенно невыполнимыми и т.д.

Общая «формула» современности включает в себя множество конкретных «Я», проблемы, которые эти «Я» создают друг для друга, связи между ними в смысле экзистенциального полилога и формальных коммуникаций, оценочную координатную сеть, возникающую в сознании каждого «Я» и во многом несовпадающую, а то и несовместимую у них, ценности, созданные на основе разноречивых оценок, институцию и социокультурную субъективность, образующиеся в результате коммуникаций и полилога между всем многообразием «Я» на ограниченной площадке[1].

4.

В отношении к научным исследованиям это значит, что, собственно говоря, в онтологии современности никакой науки как особой сферы бытия не существует, есть *ученые*, каждый из которых по-своему решает проблемы. А наука – это культура исследований ученого, их научные коммуникации, институты и традиции. И проблема мотивации научных исследований по сути означает проблему того, как замотивировать ученого на их проведение.

То же самое можно сказать и в отношении к образованию. В университете есть профессора, студенты, обслуживающий персонал и топ-менеджеры, а все остальное – это материальная и культурная среда, организационная структура и т.д. Причем топ-менеджеров, обслуживающего персонала и этой среды вообще может и не быть, как не было их у Пьера Абеляра, создавшего под Парижем альтернативную Сорбонну и вызвавшего этим ярость у тогдашнего парижского руководства образованием. Об Абеляре много сегодня написано, а о тогдашней Сорбонне лучше всего сказано у Франсуа Рабле.

Если есть профессор, имеющий что сказать студенту, и если есть студент, желающий это выслушать, то есть и университет. Главные фигуры здесь – профессор и студент, а университет – только площадка их встречи и средство их жизнеобеспечения.

Университетский профессор может заниматься наукой и быть генератором идей. Но он может быть и эрудитом, не выдвигающим идей, однако внимательно следящим за литературой и знакомым со всеми инновациями в области наук и образования, эрудитом, без

[1] См., напр.: Павлов А.В. Современность и критика // Социум и власть. 2013. № 6. С. 128–135.

которого «генератору» невозможно обойтись. Он может быть и преподавателем, не генерирующим идей, с пробелами в эрудиции, однако великолепно умеющим донести до студентов тот необходимый набор знаний, что составляет научную культуру в конкретной специальности, заинтересовать их своим предметом и этим обеспечить воспроизводство университета и науки.

Тривиально, что для полноценного существования университета необходимы все три вида: и генератор, и эрудит, и преподаватель. Генератору для его воображения и способности выдвигать идеи нужна полнота информации, но он слишком глубоко погружен в свою проблему и не имеет времени в достаточной мере следить за нынешним потоком публикаций. Эрудит сам любит учиться, именно он владеет информацией, пишет рефераты и разрабатывает доклады о последних научных достижениях. Он информирует генератора, а генератор подбрасывает ему идеи. Но если не будет хороших преподавателей, откуда возьмутся генераторы и эрудиты?

Говорят, перефразируя О. фон Бисмарка, что школьное образование формирует нацию[2], и говорят правильно. Каковы школьные учителя в социокультурном регионе, чему они учат, таким и получается в конце концов население этого региона. Университетское же образование изменяет эту культуру, именно в университетах выдвигаются идеи, на основе которых создаются и внедряются новые виды деятельности и рабочие места. Верно считают, что университет учит учиться, исследовать, получать новые знания; каковы университеты, такова и наука.

Студенты тоже разные: одним для усвоения материала необходима лекция, они, так сказать, любят ушами. А другие относятся к благородному сословию тугодумов: едва профессор сформулирует мысль, как они задумаются над нею, и пока не продумают мысль до конца, нет им покоя. Но к этому времени лекция уже закончилась. Таким нечего делать на лекциях и семинарах, им надо сидеть за книгами и ходить на консультации. Есть и третьи, не любящие занудства лекций и монографий, но усваивающие всю необходимую информацию в непрерывных диспутах, которые идут в студенческих клубах, в общежитиях, в кафе, на разных организованных и спонтанно возникших площадках. И дойдя до выпуска, они обнаруживают ровно те же знания, что и посетители лекций с читателями монографий.

Но главное, в пределах «шаговой доступности» должны быть: у студента – профессор, а у профессора – студент. Им не обязательно встречаться, но они обязательно должны быть в одном жизненном пространстве, называемом Университет.

Ученый, как и профессор, – человек со всеми достоинствами и недостатками, наука же и преподавание не более, чем доминанты в его сознании, а помимо них он еще может быть мужем, отцом семейства, любителем футбола, коньяка, коллекционером марок и т.д.

И для любого организатора науки и образования, для любого предприятия, желающего заказать научную работу в университете, в первую очередь, стоит проблема «как замотивировать ученых». А для ректора любого университета проблемой становится «мотивация профессоров и студентов».

И все это происходит в условиях межцивилизационной эпохи, когда Россия изживает советское наследие. Это не может произойти в одночасье, упрощенно говоря, на это требуется как минимум три поколения[3]. И по меньшей мере в течение одного из них прошлое будет держать нас за пятки. Понемногу слабея, будут работать и советские традиции в науке и образовании, пока не сложатся новые, демократические. Но сразу взять и отказаться от них – значит вообще остаться и без образования, и без науки, и без профессоров, и без ученых. 90-е гг. мы пережили более-менее мягко и с оптимизмом потому, что еще сохранялись ресурсы пусть и советской, но образованности и культурности. А если бы они оказались сломленными десятилетней реформой, то напомню, как в 1917 г. безграмотная толпа под руководством своей полуграмотной элиты захватывала Зимний дворец, а потом грабила и разрушала церкви и усадьбы в одночасье? Вот это бы и было в 90-е.

Предположим, что организаторы науки и образования (и даже заказчик) сами обладают научной культурой, т.е. умеют поставить проблему, определить предметность, владеют методологией и языком науки, понимают ее ограничения и обладают научным вкусом, широтой кругозора и необходимым минимумом знаний. Предположим это потому, что в противном случае они попросту не поймут, чего сами хотят от университетов и его лабораторий, и их ожидания счастья от науки не оправдаются.

[2] На самом деле слова о победе школьного учителя во франко-прусской войне принадлежат не Бисмарку, они сказаны в 1866 г. по поводу австро-прусской войны Оскаром Пешелем.

[3] См., напр.: Павлов А.В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3. С. 17–26.

* * *

Мотивация

К этому вопросу можно подойти по-разному, но при первом же приближении можно заметить, что мотивов немного: экономические, политические, моральные и научное любопытство.

5.

Экономическую мотивацию можно обозначить одним словом «купить». Услуги ученого и профессора можно купить. На такой мотивации держится вся реформа образования и науки, уже завершившаяся на Западе и глубоко зашедшая у нас. Этот смысловой ориентир задал когда-то западной университетской реформе Ж.-Ф. Лиотар. Рассмотрим аргументацию, очевидную уже с самого начала его книги [5, с. 1–24].

Современность в ней – это постмодерн, то есть недоверие в отношении метарассказов. Метарассказами являются массово распространенные и исторически обусловленные убеждения, легитимирующие существующий порядок. Следовательно легитимность, по Лиотару, представляет собою доверие к метарассказам. Так как Ж.-Ф. Лиотар придерживается концепции Л. Витгенштейна, то метарассказы у него проявляются в языковых играх, подвижной системе языковых контактов, передающих идеи и смыслы между людьми.

В таком случае, как же устроено общество с точки зрения постмодернистской современности? Об этом рассказали Ж. Делез и Ф. Гваттари. [2; 3]. Общество – это языковые контакты (игры) между людьми, обеспеченные их одинаковостью и комплементарностью. В нем два полюса: с одной стороны, исторически обусловленная одинаковость, с другой стороны – комплементарность (взаимодополнение) различного в контемпоральности, т.е. в современности, лишенной исторической преемственности. Если метарассказы нелегитимны, появляется рассыпающееся общество (толпа), где необходимо искать точки соприкосновения, совпадения и конфликтности, добиваясь консенсуса. Вообще–то говоря, консенсус в контемпорельности сам способен создавать метанарративы и обеспечивать легитимацию. Но мысль Лиотара развертывается в другом направлении.

Языковые контакты передают знания. А знание – это операциональная информация. В модернистскую эпоху метарассказов считалось, что информация – знание об устройстве предмета. А в состоянии постмодерна считается, что это – востребованное знание, т.е. такое, какое можно продать. Но какое знание можно продать? – Только истинное, а что есть истина? – В контексте современности как постмодернизма – это справедливость, то есть такое знание, какое нравится и понятно всем. Чем большему числу индивидов понятно, тем больше прибыль.

Вообще-то, понять индивидуально, по-человечески, это значит не просто определить понимаемое знание в культурно-историческом контексте, но и редуцировать его к своему опыту и к своим уже имеющимся знаниям. Но что делать, если распавшееся общество состоит из персонифицированных индивидов, не имеющих опыта и знаний? – Так начиналось на Западе после экзистенциальной революции 1968 г., и так у нас нарастает с 1991 г. по сей день. Как обеспечить в этих условиях полураспада и распада наибольшую понятность и прибыльность от продажи знаний?

Решение этого вопроса начинается с представления Лиотара о том, что, собственно говоря, понятно. А понятность – это переводимость а) на единый язык, б) на язык машин. Отсюда можно сделать вывод: знание, которое вообще-то было и остается знанием о предмете, пусть, хоть, и информацией, иначе *это знание ни о чем, т.е. квазизнание* у Лиотара превращается в знание как продаваемую информацию. То есть что нравится, то и покупается, а что покупается, то и есть знание. Это знание производит и распространяет тот, кто владеет единым языком, чтобы не надо было учить другие, причем, упрощенным языком, доступным для машинного перевода теми, кто не хочет и его изучать.

Однако есть вопрос цены покупки, чем обусловлена цена? – Есть два варианта: а) цена обусловлена привлекательностью и доступностью товара, б) цена обусловлена величиной вложенного в товар труда. – Правильны оба варианта одновременно. То, что дисциплина студенту может нравиться и привлекает его как огонек мотылька, еще ничего не означает, она может быть просто подана легко и весело. Но получать знания в университете – это большой труд, и ценность знаний зависит от величины вложенного труда. То, что без труда дается, может привлекать, но ничего не стоит и забывается сразу же после экзамена. Цена – это равновесие между трудом и привлекательностью, однако у Лиотара это только привлекательность.

И, таким образом, *возникает «зазор» между действительной проблемой и мотивацией ученого, преподавателя, студента.* Конечно, нефтедобывающим компаниям важно решение проблемы и исследование действительного предмета: если они прекратят нефтеразведку, рано или поздно им нечего будет добывать и продавать. В машиностроении важно действительное изобретение новой

техники, а в политических науках – знание действительного политического устройства общества и «изобретений» в этой области. Но *ученый, замотивированный исключительно экономически, заинтересован не в решении проблемы, а в получении денег, и поэтому исследование прекращается сразу, как только становится ясно, что заказчику результат «нравится».*

В этом «зазоре» возможны самые различные научные и квазинаучные махинации. Можно вообще не исследовать, а написать нравящийся отчет на коленке, можно заработать денег на теме «повышение нефтеотдачи пластов методами биоэнергетики». Вряд ли лишенный научной культуры заказчик поймет, что это значит, вокруг месторождения соберется толпа экстрасенсов и пассами начнет выгонять нефть. Можно продавать «красную ртуть», патенты «фильтров Петрика», «живую воду» и т.д.

И такая мотивация развращает научное сообщество, оно становится сообществом не ученых, а коммерсантов, а коммерция – совершенно другое дарование, почти несовместимое со способностью проводить научное исследование. Ни наука, ни бизнес не любят «подработок», в них нужно погружаться с головой, чтобы стать успешным. Проще говоря, человек может быть или коммерсантом, или исследователем, на то и другое у него попросту не хватит времени и сил, и исключения из этого правила практически отсутствуют.

Конечно, настоящие ученые всегда останутся, но когда система образования (фактически в приказном порядке) навязывает «образование как услугу», показатели, госстандарты, технологии образования, нацеленные на удовлетворение заказчиков, студентов и их родителей, выигрывают именно те, кто будет продавать не знания о предмете, а то, что нравится «заказчику» и начальству: мистический Аркаим, древность, величие и могущество «нашей нации», язык, на котором древние руссичи говорили миллион лет назад, и т.д., и такие спецкурсы уже встречаются. Наука и образование превращаются в пустую постмодернистскую игру, и вместо них появляется то, что с такой иронией описано Айратом Димиевым [4].

Знание, производимое машиной, нравится только машине и чиновнику, т.е. функционеру бюрократической машины. Они и будут покупать, а все остальные выводятся за пределы циркуляции знания, т.е. за пределы общества, и искусственно отделяются от него, как дикари и варвары.

Какие же действительные изобретения может делать такая наука? – В основном, в области маркетинга и дизайна, в стиле американской эстетической антропологии, приспосабливающей дизайн товара к условиям региональной культуры потенциального покупателя. Например, когда-то американские изобретатели придумывали автомобили. Теперь же они придумали, что у автомобилей для повышения продаж в России из-за условий дорог надо подвески делать повыше, и ведущими – все четыре колеса. Когда-то они изобретали вещи, а теперь – упаковку для вещей и рекламу. Когда-то они изобрели Windows, а теперь – схему извлечения дополнительной прибыли путем искусственного навязывания Windows 10. Все-таки гениальное прозрение посетило Веркора и Коронеля пятьдесят лет назад, когда состояние постмодерна было еще в зародыше [1].

6.

Политическая мотивация может быть обозначена словом «заставить». Как физически принудить, что делалось в научных «шарагах» в 30–40 гг. XX века, так и пригрозить понижением в должности, ликвидацией лаборатории, депремированием, понижением зарплаты, увольнением.

Какова роль государства в получении и распространении знания? – По мнению Ж.-Ф. Лиотара, в условиях модернистской историчности – оно основной владелец и распорядитель знания. В условиях же постмодернистской современности, оно – препятствие, мешающее циркуляции знаний. Например, государство вынуждает применять формальную наукометрию, ликвидировать университеты за несоответствие формальным же требованиям, увольнять ученых и профессоров, не знающих английского языка или не имеющих публикаций в базах данных Scopus и Web of Science, привязывать жестко докторскую диссертацию к специальности по университетскому диплому и т.д.

Интересуясь только формальной стороной вопроса и стандартами, государство игнорирует содержательную сторону. Например, ему безразлично, что гуманитарная наука и философия по большей части региональны, и из-за специфики аргументации, в них основной продукт не статья, а монография. Цитаты и ссылки делаются, в основном, в монографии, а статьи тут имеют скорее рекламное значение, привлекающее внимание к имени ученого и его книгам. Серьезных же монографий ученый гуманитарий за всю жизнь в состоянии написать 2–4, редко больше. А это значит, что нормальный индекс Хирша у них редко превышает 2–4 единицы, что с точки зрения министерских рейтингов недостаточно.

И в силу регионального своего значения, гуманитарная наука должна выступать на своих языках: по-русски, по-французски, по-не-

мецки и т.д., для нее английский – это пиджин-инглиш, включающий в себя 500–600 терминов. И перевод богатого смысловыми оттенками родного языка на пиджин–инглиш превращает публикацию в машинный текст и лишает ее как смыслового аспекта, так и читателя. Англичане вряд ли будут читать статью о нюансах и тонкостях русской культуры, а русский читатель не прочтет ее из–за языкового барьера.

Однако условия и требования – жесткие, хочешь устоять, надо соответствовать. И здесь можно увидеть *такой же «зазор» между решением проблемы и мотивацией ученого, что и при исключительно экономической мотивации*. Ученый хочет не исследовать, а уцелеть, сохранить статус, лабораторию, зарплату, возможность заниматься своим делом, а то и жизнь.

Если экономическая мотивация провоцирует хотя бы изобретения в области рекламы и дизайна, то политическая – останавливает любую науку. Так происходило в СССР с генетикой и кибернетикой, с вычислительной техникой, с космическим ракетостроением, и даже с физикой. Ядерное оружие? – Согласно личному указанию И.В. Сталина, оно делалась «строго по американским чертежам». Даже «Буран» был оборудован американской вычислительной техникой. Наука развивались только из–под палки и только в отраслях, нацеленных на оборону, и главным образом, на базе данных разведки. А самостоятельные исследования велись только учеными, у кого научная культура сформировалась еще в досоветской России или за рубежом, ну, и у их редких непосредственных учеников [6]. Как только эти ученые ушли в силу естественных причин, научное развитие почти прекратилось.

7.

*Моральная мотивация т*оже может быть названа одним словом: «Устыдить», т.е. развернуть в университете такой культурный микроклимат, в котором *стыдно* не знать то, что знают другие, и *стыдно* не заниматься исследованиями и не публиковать их результаты.

Такой микроклимат возникает, если университет имеет постоянно действующие относительно изолированные площадки, где ведутся непрерывные дискуссии между участниками, равными по статусу. Такие площадки, на которых вся жизнь участников погружена в научный диспут. Это может быть кампус – особый научный городок со своей инфраструктурой, общежития этого кампуса, то есть Университет как мир жизни, где как равные сосуществуют профессора и студенты, старшекурсники и младшекурсники, физики и историки. И если на эту площадку попадает нерадивый студент, желающий получить диплом «на халяву», то уже на втором курсе он оказывается в зазеркалье. Он замечает, что его однокурсники вдруг начинают говорить на незнакомом ему языке, интересоваться непонятными и занудными вопросами, и им интересно, они понимают друг друга! А к нему отношение становиться снисходительным: «Тебе же все-равно не интересно, сгонял бы лучше за вином и сигаретами»! Полгода он поносит за бывшими приятелями тапочки, а потом сам собой тихо и незаметно исчезает из этого университета. Или берется за ум и начинает понимать.

Такой обучающий культурный климат действует безошибочно; и лекции, и музыкальные ансамбли, и танцы, и выставки, и нежные отношения, и посещение кафе, увлечение футболом или художественной литературой – все повернуто на одну цель, на обучение. Уместно здесь вспомнить старую песенку матфака МГУ «Таверна», замечательный опыт Новосибирского университета в СОАН, Томского или Уральского университетов 60–70-х гг. И тогда появляются иные студенты, подбрасывающие профессорам научные проблемы и идеи, а профессора делятся со студентами знанием и советами прямо на уличной лавочке. В Новосибирском университете почти не читались аудиторные лекции, там студенты обучались непосредственно в институтских лабораториях, с первого курса втянутые в атмосферу исследований, и обучались у всех сотрудников лаборатории как у своеобразного коллективного профессора.

Моральная мотивация – сильнейший инструмент университетского *образования*. Однако в науке она очень ограниченно применима. И дело не в том, что к моральным регулятивам, таким как престиж, репутация и т.д., у нас традиционно, со времен «Морального кодекса строителя коммунизма», относятся снисходительно. Этот кодекс прикрывал собою другую мораль: цинизм, тот самый цинизм, что вырвался на свободу и расцвел в межцивилизационных условиях, а сейчас и направляет «реформы» в науке и образовании, показывая тем самым, что пренебрегать гуманитаристикой опасно.

Дело в том, что моральная мотивация ровно в той же степени, как экономическая и политическая, нацелена на ученого извне, она мотивирует ученого «быть как все» и «соответствовать тренду», который, как известно, в нашей стране обусловлен невысказанными желаниями начальства. Это, может быть, в Германии или во Франции герменевтика – методология и философия, а у нас она – горькая правда жизни: как понять, чего

от нас хотят, если они сами путаются в своих желаниях: то ли решения проблем, то ли выхода на «фронтиры», то ли патриотизма, то ли преподавания в местном российском университете на английском языке, то ли грантов, то ли внимательного чтения документации об объявлении грантового конкурса Министерством, где, между прочим, написано, что когда ты оформишь эту весьма трудоемкую заявку, «Минобрнауки России вправе отказаться от проведения конкурса …».

И между действительной проблемой, которой, казалось бы, должен заниматься ученый исходя из «традиционных» представлений, что чем глубже ты вошел в проблему, тем ближе ты к «передовому рубежу науки», и реальной мотивацией ученого опять возникает тот же самый «зазор».

По ходу реформ науки и образования требуются индексы Хирша, публикации в первых двух квартилях Scopus и Web of Science, «коллаборации» с зарубежными учеными и университетами, междисциплинарные исследования. А проблема бывает настолько сложной, что ученый занимается только ею, и пока не решит – нечего публиковать. Проблемы, которые интересуют ученых всего мира, не могут быть поставлены без решения локальных и региональных проблем, подобно тому, как в науке общая теория не появляется, если нет частной.

Интересно, как соответствует этим требованиям Г. Перельман с теоремой Пуанкаре? Он опубликовал решение одной из семи проблем тысячелетия в Интернете, а не в престижном журнале. Он, выступая в американских университетах, не сумел объяснить свое решение слушавшим его профессорам, им потребовалось четыре года на то, чтобы приблизиться к пониманию. Он вынужден был уйти из Санкт-Петербургского института математики из-за того, что у него не было требуемых публикаций и «коллабораций», и наконец, кого еще, кроме математика, можно привлечь к доказательству этой теоремы в порядке «междисциплинарных связей» – физика, историка, педагога, географа, литературоведа? И нет у него никакого индекса Хирша, есть Филдсовская премия. Впрочем, от медали он отказался, возможно, ради сохранения своей репутации никчемного ученого. Ну в самом деле, кому нужна теорема Пуанкаре, в каком гипермаркете, на производстве каких престижных автомобилей ее можно применить? Как продать это решение?

В науке моральная мотивация стимулирует только мелкотемье и пустотемье, она, в самом деле, означает «будь как все» и «слушайся начальство». Велено публиковать в журналах Web of Science статьи? – Найди бывшего русского коллегу, перешедшего на работу в какой–нибудь английский или американский университет (они есть), пригласи его в соавторы, попроси перевести на английский и отправить в соответствующий журнал с территории США или Англии. С третьей-четвертой попытки появятся у тебя и публикации, и ссылки, и хирши. Заодно, это – коллаборация. А нужны междисциплинарные связи, то если ты пишешь по лингвистике или педагогике, найди коллегу-историка, и сочини что-нибудь из области древнегреческой педагогики или тонкостей школьной латыни в Древнем Риме. Ну в первые два квартиля не попадешь, там просто нет подходящих журналов, однако за неимением гербовой, пишут на простой, и последний квартиль подойдет, тем более что такие журналы имеются в Азии и Африке. Цинично? – Да, а что делать? Не мы такие, жизнь такая!

8.

Научное исследование по-настоящему мотивирует только *научное любопытство,* неуемное желание решить захватившую тебя проблему[4]. Конечно, надо платить ученым достойную зарплату, иначе разбегутся. Надо организовывать их труд, чтобы они имели необходимые условия для работы. Надо стимулировать морально, ну чтобы они не чувствовали себя ненужными в своем же университете. Но решать они будет только ту проблему, которая вызвала любопытство, поэтому в первую очередь их надо удивить. А точнее тот, кто занимается наукой всерьез, уже имеет такую проблему.

Сила этого мотива в том, что он единственный, действующий изнутри и вмонтированный в саму структуру разума. Тогда и воображение работает, и идеи появляются, и даже если ученый попадает в положение Г. Перельмана, он все равно будет эту проблему решать, даже не рассчитывая на взаимопонимание и поддержку.

* * *

В статье должен быть конструктивный вывод. Но какой может быть конструктивный вывод в условиях деструктивных реформ? Только пожелание руководителям науки и образования не мешать тем ученым и профессорам, кто по-настоящему занимаются наукой. Даже если они не «коллаборционисты», предпочитают работать в одиночку, пишут и выступают по-русски, а не по-английски и не хотят печататься за рубежом на том основа-

[4] См., напр.: Павлов А.В. Методологические проблемы современного гуманитарного познания. М.: «Флинта», 2013. 325 с.

нии, что там проблемы России неинтересны, а русский читатель, в массе своей, по-английски не читает. Не стоит нагружать их сочинением тысяч страниц УМКД в семестр, отбирать у них аспирантуры, заставлять их тьюторами обслуживать чужие онлайн лекции и т.п. Им самим есть что сказать, и у них имеются читатели и студенты. В противном случае наука уйдет в сферу частной жизни и в ожидании лучших времен, подобно советским диссидентам, будет обсуждать свои проблемы на кухнях, пойдет в эмиграцию или, как в Средние века, опасаясь новой инквизиции, спрячется в немногочисленных уцелевших университетах ad majorem Dei gloriam. К остальным вполне можно и наукометрию применять, и в коллаборационизм загонять.

Но для полноценного применения такой мотивации должна быть такая малоизвестная у нас вещь, как академическая свобода.

Ну и стоит прочитать, наконец, А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» и подумать над этой большой книгой.

1. Веркор и Коронель. Квота, или «сторонники изобилия» [Текст] / Веркор и Коронель. М.: «Прогресс», 1970. 223 с.

2. Делез, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения [Текст] / Ж. Делез, Ф. Гваттари. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.

3. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения [Текст] / Ж. Делез, Ф. Гваттари. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

4. Димиев, А. Классная Америка [Текст] / А. Димиев. М.: Издательский дом «Парадигма», 2008. 126 с.

5. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.-Ф. Лиотар. М., СПб.: Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 1998. 159 с.

6. Сарданашвили, Г.А. Между рассветом и закатом. Советская физика в 1950–1979 гг. [Текст] / Г.А. Сарданашвили. М.: Ленанд, 2014. 232 с.

References

1. Verkor i Koronel (1970). Kvota, ili «storonniki izobiliia». Moscow, «Pro-gress», 223 p. [in Rus].

2. Delez Zh., Gvattari F. (2008) Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia. Ekaterinburg, U-Faktoriia, 672 p. [in Rus].

3. Delez Zh., Gvattari F. (2010) Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia. Ekaterinburg, U-Faktoriia; Moscow, Astrel, 895 p. [in Rus].

4. Dimiev A. (2008) Klassnaia Amerika. Moscow, Izdatelskii dom «Paradigma», 126 p. [in Rus].

5. Liotar Zh.-F. (1998) Sostoianie postmoderna. Moscow, St. Petersburg, Izd-vo «LETEIIa», 159 p. [in Rus].

6. Sardanashvili G.A. (2014) Mezhdu rassvetom i zakatom. Sovetskaia fizika v 1950–1979 gg. Moscow, Lenand, 232 p. [in Rus].

UDC 001.38

MOTIVATION IN SCIENCE AND EDUCATION

Pavlov Aleksander Valentinovich,
Tyumen State University,
Institute of Philology and Journalism,
The Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation
The article considers the problem of motivating a scientist's and a university teacher's work. Polyfocal sociology of modernity and conception of intercivilizational epoch are used as methodology.

Key concepts:
economic motivation,
political motivation,
moral motivation,
scientific curiosity.